

Взгляд Шагала

Здравствуй, Родина!

С 25 февраля по 29 мая 2005 года Третьяковская галерея представляет большую ретроспективную выставку Марка Шагала, озаглавленную, как и произведение, исполненное художником в 1953 году, «Здравствуй, Родина!».

Екатерина Селезнева

На протяжении всей долгой творческой жизни художника, его отношения с современным ему искусством складывались скорее противоречиво.

Увлекаясь новациями, пробуя себя в различных видах и жанрах искусства, Шагал тем не менее не примкнул ни к одной из существующих ранее эстетических систем, но утвердил собственную шкалу человеческих и художественных ценностей. Сам Шагал считал (и это на первый взгляд неожиданное признание многое объясняет в его искусстве), что творчески наиболее близок ему Чарли Чаплин. В одном своем интервью он сказал: «Чаплин стремится в кино делать то, что я стараюсь делать в живописи, это без сомнения единственный на сегодня артист, с которым у меня есть полное взаимопонимание – нам даже слова не нужны»¹⁰. И, конечно, дело

здесь не только в их общей любви к цирку, театру, артистам и клоунам, прекрасным цветочницам и букетам. Как и Чаплин, Шагал любит притчу. Как и Чаплин, Шагал понимает и, главное, любит «маленького человека», бережно относится к его «нежным чувствам», всегда стремится оградить его от превратностей судьбы. Как и Чаплин, он понимает, отчего в мире вырастает «диктатор». Потому что для обоих – «человек мера всех вещей», а следовательно, надо прежде всего «познать самого себя». Как и Чаплин, Шагал стоит особняком среди художников XX столетия, так как в своем творчестве он не только не нивелировал, но, наоборот, всеми способами подчеркивал ту особую роль, которую играет глубокое осмысление художником собственного жизненного опыта. Человеческая и творческая жизнь Шагала становится в его произведениях некой точкой отсчета, мерой события, переживания, воспоминания. Не удивляет, что именно Шагал написал картину с названием «Жизнь» (1964). Выбор и интерпретация героев и событий, предметов и символов, смена ритмов превращают эту композицию в театрализованное представление (как тут не вспомнить шекспировское «жизнь – театр»).

Особость положения Шагала в ряду художников различных течений XX века –

Шагал спрашивает в книге «Моя жизнь»: «Почему в России я всегда был пятым колесом в телеге?»¹ Он с горечью констатирует: «Ни царской России, ни советской России я не нужен. Я им непонятен, я чужой»². Но для него, Шагала, его Родина, которую он иначе как Россия не называет, так никогда и не стала чужой. В 1935 году, путешествуя в Польшу и Литву, Шагал пишет в письме к другу: «Я поехал в Польшу, Вильню <...> чтобы доехать до границ моего города, и сказать ему, что он меня не любит, но что я его люблю <...> и что я уеду обратно, так и не войдя в него»³. Сегодня можно сказать, что пророческими стали его слова: «Быть может, Европа полюбит меня, а с ней и моя Россия»⁴. Время действительно все расставляет по своим местам – история не только европейского, но мирового искусства XX века без присутствия в ней Шагала не может претендовать на полноту. Сейчас осознание роли Шагала в контексте мировой и родной ему культуры происходит и на его Родине – в Белоруссии, в Витебске и Минске⁵, и в России.

«Мои Родины существуют, быть может, только на моих холстах?»⁶ – спрашивает Шагал Иосифа Опатошу в год получения им французского гражданства, когда ему казалось, что в Советском Союзе уже никогда не найдется места для его творчества.

Наступило наконец время отблагодарить Марка Захаровича за все⁷ и показать (а он всегда горячо желал присутствовать своими произведениями в российских музейных собраниях) большую и полную его выставку в России. Во все времена отечественные музеи бережно хранили уникальные произведения раннего периода творчества художника.

Значительная часть произведений Шагала никогда не экспонировалась в нашей стране. Московской публике впервые будет предоставлена возможность увидеть и оценить собранные вместе произведения классика XX века – от ранних витебских работ до известнейших шедевров французского периода⁸.

«Человек провел всю свою жизнь за писанием картин ... писание картин – и есть его жизнь», – написал про Шагала Луи Арагон⁹.

◀ Окно на даче. 1915
Гуашь, масло, картон
100,2×80,3
ГТГ

◀ View from the Window. At the Dacha. 1915
Gouache and oil on cardboard
100.2 by 80.3 cm
State Tretyakov Gallery

¹ Марк Шагал. Моя жизнь. М.: Эллис Лак, 1994. С. 99.

² Marc Chagall. Ma Vie. Paris, Stock, 1993. p. 247 (неп. авт.).

³ Отрывок из письма Иосифу Опатошу от 16 июля 1935 года; цит. по кат. выставки: Chagall connu et inconnu. Paris, 2003, p. 79. Иосиф Опатошу – польский писатель еврейского происхождения, живший в США.

⁴ Marc Chagall. Ma Vie. Paris, Stock, 1993. p. 249 (неп. авт.).

⁵ Уже без малого 15 лет в витебском Музее М.Шагала ежегодно проходят «Шагаловские чтения», а в Минске состоялись две персональные выставки художника в Художественном музее республики Беларусь – в 2003 и 2004 годах.

⁶ Отрывок из письма Иосифу Опатошу от 31 марта 1937 года; цит. по кат. выставки: Chagall connu et inconnu. Paris, 2003, p. 79.

⁷ Вспомнить хотя бы, что в нестабильное постперестроечное время именно шедевры Шагала в числе прочих помогли выжить и Третьяковской галерее и многим другим музеям Российской Федерации, которым посчастливилось обладать его работами, так как за их предоставление на выставку за границу зарубежные партнеры перечисляли российским музеям финансовые средства. Мало кто знает, например, что уникальный огромный подрамник для «Принцессы Грезь» Михаила Врубеля был изготовлен на деньги, полученные от проката выставки Марка Шагала в Швейцарии и Германии в 1991 году, на них был закуплен и целый ряд материалов, необходимых для отдела реставрации.

⁸ Фактический объем предлагаемой экспозиции составит около 170 экспонатов, из них – 70 картин, 70 акварелей, рисунков и гуашей и около 30 гравюр. Кроме российских собраний, 27 выдающихся полотен, важных для понимания творчества художника, на выставку представляет парижский Музей современного искусства (Центр искусства им. Жоржа Помпиду). Среди них – «Свадьба» (1910), знаменитое «Росси, ослам и другим» (1911), «Ангел с палитрой» (1927–1936), «Акробатка» (1930) и, конечно же, триптих «Сопrotивление. Освобождение. Возрождение» (1937–1952). Эту трилогию Жан-Мишель Форэ, директор Музея Марка Шагала в Ницце, характеризует в парижском каталоге 2003 года персональной выставки художника как «историческую картину такого масштаба, который в искусстве XX века не часто встречается». Девять произведений выдает из своего собрания Национальный музей «Библейское послание Марка Шагала» в Ницце. Среди них – уникальное трехметровое полотно «Гостеприимство Авраама» (более привычное для нас название этого сюжета – «Троица»), которое еще никогда не покидало стен французского музея. Существенным дополнением, без которого представление о творчестве Шагала было бы неполным, будут произведения, представленные на выставку семь художника. Это эскизы к знаменитым, хранящимся в Третьяковской галерее, семи панно, выполненным мастером в 1920 году для Еврейского театра в Москве.

Очень интересна также коллекция рисунков, полученных Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в 1990 и 1991 годах в дар от Иды Шагала, дочери художника. Они выставились лишь однажды – весной 1992 года зрители имели возможность видеть эти рисунки в залах ГМИИ им. А.С.Пушкина в рамках выставки новых поступлений.

⁹ Louis Aragon. Chagall L'admirable. Цит. по кат. выставки: Chagall connu et inconnu. Paris, 2003, p. 91.

¹⁰ Цит. по интервью М.Шагала с Жаком Генном, опубликованному в «Art vivant» за декабрь 1927 года.

Мерк Шагал

In his book "Moya Zhizn" (My Life), Chagall enquires bitterly why it was that in Russia he always felt like "a fifth wheel on a cart"¹. "Neither Tsarist, nor Soviet Russia ever had any need for me. They do not understand me, I am a stranger to them,"² the artist wrote. He himself never became estranged from his homeland, which he continued to call Russia despite the political changes which took place there. In a letter to a friend written in 1935, while travelling in Poland and Lithuania, Chagall admitted touchingly: "I travelled to Poland and Vilno... in order to reach the outskirts of my little town and to tell it that I still love it even though it doesn't love me... and then to leave without even entering it."³

"In time, perhaps, Europe and my Russia will come to love me,"⁴ Chagall said once. His dream was destined to come true: 20th-century European and, indeed, world art would be incomplete without Chagall. His role in the culture of his homeland, as well as in the wider world, is now coming to be understood both in Russia and in his homeland, Belarus, in Minsk and Vitebsk⁵.

"Perhaps my Homelands exist solely in my canvases?"⁶ Chagall wrote dejectedly to Joseph Opatashu in the year that he became a French citizen. At the time, it seemed to him that there would never be any interest in his art in the Soviet Union.

Now, the time has finally come to pay tribute to the artist⁷. Chagall very much wanted his works to be shown in Russia, and Russian museums and art galleries have always cherished his unique early paintings. It is fitting that a large and comprehensive exhibition of his work will finally take place in this country.

Many of Chagall's paintings have never before been shown in Russia. The forthcoming exhibition will be a unique opportunity to view an extensive selection of this great 20th-century artist's legacy, from the early Vitebsk canvases to the world-famous masterpieces of his French period⁸.

"The man spent his whole life painting. Painting was his life," Louis Aragon wrote about Chagall⁹. The painter's relationship with contemporary art was, nonetheless, complex and ambiguous. While showing an interest in new developments and experimenting with different forms and styles of art, Chagall never fully adhered to any existing aesthetic school, creating instead his own system of human

Bonjour, Patrie!

Named after a painting created by the artist in 1953, the major Chagall retrospective exhibition "Bonjour, Patrie!" will run at the Tretyakov Gallery between 25 February and 29 May 2005.

Yekaterina Selezneva

and artistic values. Strange as it may seem, he claimed that, artistically, he felt closest of all to Charlie Chaplin.

In one of his interviews, Chagall explained: "What Chaplin is trying to do in cinema, I am trying to do in painting. He is undoubtedly the only artist in existence with whom I have a complete and total understanding. We understand each other without words."¹⁰ Much can be gleaned from this admission: the two not only shared a love for circus and theatre, clowns and dancers, beautiful flower-girls and wonderful blooms. Chagall, like Chaplin, likes parables. Like Chaplin, he understands and loves the "little man", is sensitive towards his feelings and does his best to protect him from the unkind blows of Fate. Like Chaplin, he can see how dictators are born. Both believed that "Man is

the measure of all things", so, for both, "Know thyself" was a paramount principle.

Like Chaplin, Chagall stands out among his contemporaries. This is perhaps due to the fact that, unlike many, he was constantly aware of and stressed the importance for an artist of profound reflection on personal experience. In his paintings, his own private and artistic life becomes a measure of emotional suffering, of retrospection – a standard of sorts, a starting point. "La Vie" (Life) (1964), with its shifting rhythms and the artist's choice and interpretation of events and characters, symbols and objects, is akin to a play – a dramatic performance. Indeed, Shakespeare's "All the world's a stage" comes to mind.

Chagall's unique position among 20th-century artists is perhaps also due to the fact that his artistic vision was not forward-looking. In this, he differed from both modernists and traditionalists. He was not attempting to create a Utopia – he was merely dreaming, and his dream, his bright and beautiful vision was a vision not of the future, but of the present.¹¹

In creating his canvases, Chagall turned his gaze inwards. Studying that which lay within him, he found love, those dearest to his heart and himself the artist, himself in art.

Авраам и три ангела ▶
1960–1966
Холст, масло. 190x292
Ницца

Abraham and the
Three Angels ▶
1960–1966
Oil on canvas
190 by 292 cm
Nice

Ангел с палитрой ▶
1927–1936
Холст, масло
131.5x89.7
Центр Помпиду

Angel with Palette ▶
1927–1936
Oil on canvas
131.5 by 89.7 cm
The Centre Georges Pompidou

¹ Marc Chagall. "Moya Zhizn" (My Life). Moscow, Ellis Lak, 1994, p.99.

² Marc Chagall. "Ma Vie" (My Life). Paris, Stock, 1993, p.247.

³ From Chagall's letter to Joseph Opatashu dated 16 July 1935, taken from the "Chagall Connu et Inconnu" exhibition catalogue, Paris, 2003, p.79. Joseph Opatashu was a Polish writer of Jewish origin living in the USA.

⁴ Chagall, 1993, p.249.

⁵ The Vitebsk Chagall Museum has held annual Chagall readings for the last 15 years. The Belarus Art Museum in Minsk has organised two Chagall solo exhibitions: in 2003 and 2004.

⁶ From Chagall's letter to Joseph Opatashu dated 31 March 1937, taken from the "Chagall Connu et Inconnu" exhibition catalogue, Paris, 2003, p.79. See note 3.

⁷ In the difficult times following perestroika, the paintings of Marc Chagall were among those which helped the Tretyakov Gallery and other Russian museums to survive. By leasing paintings to foreign exhibitions, museums were able to supplement their meagre state budget to preserve their collections, purchase necessary equipment, carry out urgent restoration work and repairs. Few people are aware that the large and unique stretcher frame for Vrubel's "Princess of Dreams" was paid for with the proceeds from sending the 1991 Chagall exhibition to Switzerland and Germany. This money also enabled the Tretyakov restoration department to purchase its first small compressor, high-quality brushes and paints, framing material and other much-needed goods and equipment.

⁸ The exhibition will include approximately 170 works: 70 oil paintings, 70 watercolours, drawings and gouaches and 30 engravings. Besides canvases from Russian collections, viewers will be able to enjoy 27 paintings from the Paris Museum of Modern Art, the Centre Georges Pompidou. These are truly exceptional works, vital to the understanding of Chagall's art. Among these are "La Noce" (The Wedding, 1910), the famous "A la Russie, aux Anes et aux Autres" (To Russia, Asses and Others, 1911), "L'Ange et la Palette" (Angel with Palette, 1927–1936), "L'Acrobate" (Acrobat, 1930) and, of course, the triptych "Résistance-Résurrection-Libération" (Resistance-Resurrection-Liberation, 1937–1952). In the catalogue to last year's Chagall solo exhibition in Paris, Jean-Michel Foray, director of the Nice Chagall Museum, calls this trilogy "a historical painting on a scale seldom encountered in 20th-century art."

The Nice Museum of the Chagall Biblical Message will loan nine of its paintings for the exhibition, including the unique three-metre high "Les Trois Anges ReHus par Abraham" (Abraham and the Three Angels), which has never before left the French museum.

Some important works will also be loaned for the exhibition by the artist's family. Among these are sketches for the seven famous paintings made by Chagall for the Moscow Jewish Theatre in 1920 and now in the Tretyakov Gallery.

Visitors will also find an interesting collection of drawings presented to the Pushkin State Museum of Fine Arts by the artist's daughter Ida Chagall. After they were donated to the museum in 1990–91, these drawings were only shown once, at a Spring 2002 exhibition of the museum's latest acquisitions.

Viewers will also be able to enjoy a wide selection of works from other Russian museums and private collections.

The exhibition will be accompanied by a catalogue album including new facts and materials from the artist's life and reproductions of all the exhibits.

⁹ Louis Aragon. "Chagall l'Admirable". Taken from the "Chagall Connu et Inconnu" exhibition catalogue, Paris, 2003, p.91.

¹⁰ From Jacques Guenne's interview with Chagall taken from "Art Vivant", December 1927.

¹¹ "One fine day – and, indeed, what other kinds of days are there?" writes Chagall in "My Life", even though his life was not an easy one: the artist experienced much suffering, privation and loss. See Chagall, 1994, p.45.

и модернистов, и традиционалистов – состоит еще и в том, что его «взгляд» на бытие не направлен вперед. Шагал не конструирует утопию, он просто мечтает – его прекрасное, его «светлое» не в будущем, а в настоящем¹¹.

Куда же направляет Шагал свой взгляд? Он устремляет его внутрь себя и обнаруживает там Любовь, своих близких, себя в искусстве. Он смотрит вверх и там тоже видит Любовь и Небо – божественные библейские сюжеты спускаются оттуда. Он смотрит назад – там дорога истории, изменяющиеся пейзажи от Витебска до Ванса, там весь мир, пропущенный через призму осознания себя – как иудея, как еврея, рожденного в России, как земного жителя, как божьего создания.

Шагал на протяжении всей жизни наблюдал за самим собой – художником и человеком, и начиная с 1910 по 1985 год он эти наблюдения – над собой и людьми, его окружавшими, над событиями и мес-

тами, где ему довелось жить и бывать, и даже за собственными чувствами и воспоминаниями – заносил в художественный дневник своего бытия, страницы которого сложились из его работ... Не удивительно, что многие герои его произведений напоминают нам самого Шагала. Еще Леонардо да Винчи отмечал, что «любая особенность картины отражает своеобразие самого ее автора», вплоть до того что «большинство лиц походит на художника... И если душа находит кого-то, кто похож на то тело, что она создала себе, то радуется виду его и в него влюбляется»¹². Шагал, точно, и радовался и влюблялся.

«Великий талант Шагала, его гениальная интуиция состоят в том, что он сумел, задавая себе вопросы о самом себе, вписать личность художника, его мысли и ощущения в центр произведения», – справедливо полагает директор Национального музея «Библейское послание Марка Шагала» в Ницце Жан-Мишель Форэ¹³.

¹¹ «В один прекрасный день – а других и не бывает на свете», – пишет в книге «Моя жизнь» художник, на долю которого выпали огромные испытания, лишения, потери (Марк Шагал. Указ. соч. С. 45).

¹² Цит. по: Филипп Серс. Тоталитаризм и авангард. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 45.

¹³ Цит. по статье Ж.М.Форэ «L'Identité de l'artiste»; см. каталог выставки 1973 года в ГТГ.

«Я люблю «контрасты», в которых кроется гармония»¹⁴.

Внимательному зрителю выставка даст возможность самому перелистать страницы этой захватывающей автобиографии в красках, писавшей день за днем на протяжении 75 лет. Она даст возможность ощутить найденную и выверенную художником гармонию индивидуального и универсального, понимание, которой становится для многих ценителей его искусства своевременной опорой, облегчающей поиск и осознание актуальности вечных человеческих ценностей.

Все картины Шагала «рассказаны» от первого лица. Но почти во всех своих произведениях – от огромных панно до небольших эскизов – Шагал предоставляет

зрителю возможность собственной интерпретации сюжета. Его станковые работы – это живописные оперы с причудливым сюжетом и сложной партитурой, в них всегда есть «партия» повествователя – автора-художника. Эта полифония, как и в музыке, дает каждому желающему возможность сопричастности переживанию, событию, рефлексии. Шагал не предлагает готовых рецептов бытия и не навязывает своей точки зрения. Он вроде бы с иронией относится к тому образу художника-мессии, который он сам для себя избрал. Он не выставляет его напоказ, а как бы предлагает сыграть в игру «Где спрячется художник?», который иногда зримо, а иногда неявно, присутствует в картине и знакомит нас с ее содержани-

Россия, ослы и другие. 1911
Холст, масло
157×122
Центр Помпиду

To Russia, Asses and Others. 1911
Oil on canvas
157 by 122 cm
The Centre Georges Pompidou

¹⁴ Из речи, произнесенной Марком Шагалом в Нью-Йорке 30 июня 1944 года. Цит. по статье Бенджамина Харшава «О поэтике Шагала»; см. каталог выставки 1973 года в ГТГ.

¹² Taken from Philippe Sers, "Totalitarism i Avangard" (Totalitarianism and the Avant-garde), Moscow, Progress-Tradition, 2004, p.45. Translated from the French: Philippe Sers, "Totalitarisme et Avant-Gardes". Paris, Les Belles Lettres, 2001.

¹³ Taken from Jean-Michel Foray's article "L'Identité de l'artiste" (Identity of the Artist) written for the Tretyakov Gallery Chagall exhibition catalogue.

¹⁴ From Chagall's speech made in New York on 30 June 1944, taken from Benjamin Harshav's article "On the Poetics of Chagall" written for the Tretyakov Gallery Chagall exhibition catalogue.

Gazing upwards, he again encountered Love – Love and the Heavens themselves, from which the divine biblical subjects descended. Looking back, he observed the course of history, his own path from Vitebsk to Vence, the whole world through the prism of his self-awareness as a Russian-born Jew, a citizen of the world, a creature of God.

Throughout his life, Chagall remained exceptionally aware of his development as artist and human being. His constant observations on his own thoughts, feelings and memories, as well as the people he encountered and the places he visited are well-documented in the artistic diary of his life. Spanning 75 years between 1910 and 1985, this diary consists of Chagall's paintings. It is hardly surprising that many of his characters remind us of the artist himself. Da Vinci himself felt that "every trait of a painting reflects the nature of its creator", and that "the majority of the faces tend to resemble the artist... And if the soul encounters one who resembles the body it has created for itself, it rejoices and falls in love with him."¹² Chagall, indeed, both rejoiced and fell in love.

"Chagall's great talent, his intuitive genius lies in the fact that by questioning himself, he succeeded in placing the artist's personality, thoughts and sensations at the centre of his work," feels Jean-Michel Foray, director of the Nice National Museum of the Marc Chagall Biblical Message¹³.

"I like contrasts that possess a hidden harmony,"¹⁴ claimed Chagall.

The forthcoming exhibition is a chance for dedicated viewers to immerse themselves in the colourful pages of Chagall's artistic autobiography created over a period of 75 years. Visitors may get a sense of the harmony of the individual and the universal which the artist discovered and built on over a period of decades. For many lovers of Chagall's work, this sense is a constant solace, an aid in their search for eternal human values.

All Chagall's works are painted in the first person. At the same time, he almost always allows the viewer to interpret his paintings for himself. This is true both of the monumental canvases and of the smaller sketches. Chagall's paintings are operas on canvas, with whimsical, fantastic plots and complex scores: the narrator always has a

Гостеприимство Авраама. 1931
Бумага, гуашь. 66×52. Ницца

The Three Angels Received by Abraham. 1931
Gouache on paper. 66 by 52. Nice

part, yet the polyphony allows everyone to become involved in the action, to share the artist's emotions and reflect with him. Chagall offers no quick and easy solutions to life's problems; neither does he impose his own ideas on the viewer. He even appears to regard his chosen image of artist and Messiah with a certain irony.

Indeed, this image is not always evident in his paintings. Sometimes, Chagall likes to play "find the artist". Nonetheless, openly or indirectly, the artist is present in each and every canvas: using his own system of pictorial communication, he brings the content of his work to the viewer. For, if the artist is indeed a messiah, all things are connected with him. In his work, all things are reflected, and those who have faith in him will find both truth and prophecy in his art. Some of Chagall's paintings show Christ or a winged angel holding a palette and brush, and the

Освобождение
1937–1952
Центральная часть
триптиха
Холст, масло 168×88
Центр Помпиду

Liberation
1937–1952
Oil on canvas
168 by 88 cm
The Centre Georges Pom-
pidou

Возрождение
1937–1948
Правая часть триптиха
Холст, масло
168,3×107,7
Центр Помпиду

Resurrection
1937–1948
Oil on canvas
168.3 by 107.7 cm
The Centre Georges Pompi-
dou

artist crucified. These images are among Chagall's symbols of faith; he could be said to be a "natural symbolist", using symbols as a poet uses words to compose his message. The message is like a magical well: all people draw from it, what they will. Some find milk, whilst others get water – holy water, on occasion; some choose wine, whilst others prefer something kosher. All those who approach are invited to drink their fill. Chagall allows viewers to interpret his message as they wish, letting them choose at what level to engage with what they see.

Telling his story, the artist is patient and prepared to go over every detail time and time again. Aware of his responsibility and his noble mission as an artist, he burns with a passionate desire to help humanity comprehend the essence of human and divine Love. In this wish he is as sincere, innocent and direct as a child.

For Chagall, love is the key which unites all things. Love lies at the centre of his biblical "message". As an illustrator of the bible, Chagall was unequalled among 20th-century artists. Even if that were his only legacy, he would still be considered among the greatest artists of his time. The work he produced to accompany the Holy Scriptures goes beyond mere illustration: of all his contemporaries, he was best able to put pictures to words to express the essence of the holy book.

"I love to talk about Love," Chagall exclaimed at the opening of an exhibition of his paintings in the Tretyakov Gallery in 1973. Today, the Tretyakov is delighted to invite this wonderful artist to talk to us about love once again – in his own, inimitable way.

Afternote: the State Russian Museum has recently expressed an interest in presenting this exhibition after it leaves the Tretyakov Gallery.

Двойной портрет с бокалом вина. 1917–1918
Холст, масло. 235×137. Центр Помпиду

Double Portrait with a Glass of Wine. 1917–1918
Oil on canvas. 235 by 137 cm
The Centre Georges Pompidou

ем с помощью выработанной им системы живописного письма. Письма в смысле послания. Если художник – мессия, то все, что в мире происходит, имеет к нему отношение, его касается. Он может обо всем говорить в своем искусстве, и в этом его искусстве поверившие ему найдут и правду и предсказание. Ведь неспроста на некоторых его картинах то Христос, то крылатый ангел предстают с палитрой и кистью в руках, а художник оказывается распятым. Это – один из «символов веры» художника. В этом смысле Шагала можно считать «естественным символистом». Из символов, как из слов, он слагает свое послание. Оно – как колодец (сказочный колодец, из которого всякий черпает, что ему хочется: кто молоко, кто воду, в том числе и святую, кто вино, а кто и что-нибудь кошерное), из которого каждый волен выпить, сколько сможет.. Шагала предоставляет зрителю право трактовать послание художника, он предоставляет ему самому выйти «на глубину» понимания послания.

Шагал терпелив, готов объяснять снова и снова в своем невероятном, прямом, по-детски сильном желании (питаемом, безусловно, ответственностью, осознанием высокой миссии художника) в постижении сути божественной и земной Любви.

Именно любовь у Шагала основа, объединяющая все, именно любовь составляет главное содержание его «Библейского послания». Он перешагнул рамки просто иллюстрирования Библии, в этом ему нет равных среди художников XX столетия, и если бы Шагала оставил после себя только это наследие, его уже с полным основанием можно было бы причислить к выдающимся мастерам своего времени, потому что никто лучше Шагала не смог, соединив визуальное и вербальное, выразить суть этой священной книги.

«Я люблю говорить о Любви», – сказал Шагала в 1973 году на открытии своей выставки в Третьяковской галерее. Третьяковка с радостью предоставляет Марку Захаровичу возможность еще раз рассказать нам о Любви – так, как это мог сделать только он.

P.S. После экспонирования в Государственной Третьяковской галерее выставку готов принять у себя Государственный Русский музей.

